

ИССЛЕДОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

ЭО, 2009 г., № 4

© С. А. Тулаева

ПОМОРСКАЯ ИДЕЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Ключевые слова: поморы, коренные народы, институционализация этничности, конструирование групповой идентичности

"Поморы – это не профсоюз моряков, речников и полярников, а народ, объединенный общей историей, традициями, языком, промыслами".

(В. Ломакин "Поморы и Поморье")

"Помором, как в прочем и русским, украинцем или татаринном, может называть себя каждый, ощущающий свое духовное и (или) кровное родство с населением Поморья, чувствующий близость культуры, религии, обычаев этих мест и обладающий особым характером, закаленным вековой суровостью поморского Севера".

(<http://www.pomor.norland.ru>)

Введение

В последнее время в мире можно наблюдать "парад малых суверенитетов" – многочисленные обращения местных сообществ с требованиями признания за ними особого этнического статуса (квены в Швеции, сету в Эстонии, северные народности в России). Кто является инициатором этих движений и как происходит осознание этносом своей этничности?

Существующие теоретические концепции рассматривают два основных пути создания нового сообщества: 1) "сверху вниз" – посредством политики элит и 2) "снизу вверх" – путем действия индивидов, стремящихся к созданию наиболее оптимальных для себя условий (Смит 2004; Калхун 2006). В соответствии с концепцией Б. Андерсона становление воображаемой общности организуют сверху группы элит (Андерсон 2001). Они реконструируют историческое прошлое, традиции и обычаи, которые служат соединительным раствором для членов сообщества (Хобсбаум 1998). Б. Андерсон показывает становление новой общности посредством создания "бесконечно растянутых сетей" идейных представлений. Поскольку важным в этом процессе являются не телесные контакты между членами сообщества, а объединяющие идеи, то такое сообщество может быть помыслено как воображаемое. Если большинство людей начинают верить в это воображаемое сообщество, оно становится вполне осязаемой реальностью.

Существуют контртеории, объясняющие формирование общности снизу посредством действия индивидов. В данном случае этничность рассматривается как инструмент для создания акторами наиболее благоприятных условий своего существования (Латин 1998). Этот подход проистекает из теории рационального выбора, который рас-

смаатривает индивидов как рациональных акторов, действующих в своих интересах и стремящихся извлечь для себя максимальную выгоду. Поскольку в природе человека заложено много идентичностей, он выбирает в зависимости от структуры ту ситуацию, которая будет наиболее выгодна. Такой подход функционирует, как правило, в условиях слабой идентичности, создающей пространство для манипуляций. Однако в реальности в одной и той же ситуации могут присутствовать разные уровни апелляции к общности, включающие в себя как культурно-исторические предпосылки, так и меркантильные интересы группы.

Независимо от того, кто является инициатором этого процесса, ключевая роль в легитимации этнических границ в наши дни принадлежит государству (Тышков 2004). Именно оно конструирует народы по собственным принципам, "институционализируя этничность через спонсорство или репрессии" (Он же 1998: 9). При этом позиция того или иного народа в "этнической табели о рангах", предлагаемой государством, может быть неоднозначна. С одной стороны, он может быть помещен на низшие ступени табели и признан недостаточно развитым, с другой – эта декларируемая государством "недоразвитость" может позволить ему получить дополнительные субсидии или спонсорскую поддержку государства.

Примерно так обстоит дело с коренными народами РФ. По мнению С.В. Соколовского, советская власть, выделяя их в особую группу, исходила из патерналистских представлений о неподготовленности этих народов к созданию собственного самоуправления. В 1925 г. был оформлен список малых народов Севера, в который первоначально вошли 26 народов. Они были объединены в общую группу на основании их относительно малой численности, ведения традиционного хозяйства (оленоводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел, собирательство), особого образа жизни и якобы низкого уровня их социально-экономического развития (Соколовский 2001). Кроме того, эти народы характеризует своеобразие ценностей, ведущее к неприятию навязываемого им образа жизни. А их особая хозяйственная деятельность определяет сохранение традиционных черт быта и культуры (Там же).

В соответствии с современным российским законодательством коренные малочисленные народы – это народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в РФ менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (О гарантиях прав...). В настоящее время в России к числу коренных малочисленных народа Севера относится 40 сообществ (по данным, представленным на официальном сайте правительства РФ). Принадлежность к коренным народам дает им ряд преимуществ в использовании природных ресурсов, обеспечивает дополнительные государственные выплаты и компенсации.

Вместе с тем не менее важным является и обратный процесс – как воспринимается на местах предлагаемая государством этническая модель. Всегда ли сообщество согласно с отведенным ему государством статусом, и если нет, то каковы могут быть причины этого недовольства, кроются они где-то в глубине веков или носят сравнительно инструменталистский характер.

В данном исследовании взаимодействие этих тенденций будет рассмотрено на примере поморского ренессанса в наши дни. В соответствии с российским законодательством поморы не являются отдельным этносом. Они представляют собой субэтнос русского народа. В то же время сегодня началось активное движение поморов за признание за ними собственного этнического статуса. С одной стороны, этот процесс был инициирован "сверху" общественными организациями как потребность маркировать свое сообщество в современном глобальном мире посредством реконструкции особенности поморской культуры и особого склада поморского характера, опираясь на исторический путь сообщества. С другой стороны, этот процесс получил ответную реакцию "снизу", вызванную не столько пропагандистской работой некоммерческих ор-

ганизаций, сколько изменениями в национальном законодательстве, которые подрывают экономическую основу существования данной этнокультурной группы. Это заставляет ее представителей находить механизмы сопротивления негативным институциональным изменениям. В данном случае таким механизмом являются конструирование и легитимация своей этничности. В этом смысле этничность представляется "институциональным ключом", который позволяет создать ее представителям более удобные условия существования и открыть доступ к определенным ресурсам. Таким образом, принадлежность к особой этнической группе дает возможность противопоставить себя остальным сообществам в рамках Российского государства, институционализировать свою "особость" и объяснить посредством этого, почему именно для них необходимо сохранение отличной институциональной среды. Цель данного исследования – рассмотреть истоки, стратегии, перспективы поморского движения.

Исторический путь формирования поморов

Этноним "помор" возник примерно в XI–XII вв. и распространился на население, проживающее на западном побережье Белого моря и ведущее рыбное промысловое хозяйство. Первыми жителями Поморья были финно-угорские племена. В X–XII вв. эта территория начала заселяться выходцами из Новгородского княжества, вследствие чего финно-угорские племена ассимилировались со славянами и утратили свой язык. В 1471 г. поморские земли вместе с Новгородом вошли в состав Московского царства. В XV–XVI вв. Поморьем назывался обширный район по берегам Белого моря, Онежского оз., рек Онега, Северная Двина, Мезень, Печора, Кама, Вятка до Урала. К началу XX в. термин "помор" продолжает широко использоваться как обозначающий жителя северорусской зоны. В более узком смысле им определялись жители беломорского побережья (Булатов 1997).

Исследовательница Т.А. Бернштам в своих работах, посвященных изучению Поморья, определила поморов "как часть русского народа, который представляет собой его авангард на крайнем севере", т.е. поморы, в соответствии с этой точкой зрения, являются субэтносом русского народа (Бернштам 1983: 256). Другой крупный исследователь Русского Севера В.М. Котляков склонен рассматривать поморов как отдельный этнос. Он говорит о том, что к XVI в. сложились все предпосылки для формирования поморской государственности, и несколько иной ход развития российской истории (например, сохранение автономии Новгородского княжества) мог бы привести к появлению на базе поморов наравне с русскими, белорусами и украинцами, четвертой восточнославянской нации северороссов (Котляков 1997). В. Булатов поддерживает эту точку зрения: "Налицо были почти все признаки нации: общность территории с выходом к морю, общность экономической жизни поморских уездов, волостей и городов, особые черты характера, психологического и духовного облика поморов, своеобразие северной культуры. Складывался северо-русский язык, от которого нам остались в наследство местные говоры, диалекты и наречия..." (Булатов 1999: 9).

Действительно, поморская культура имела ряд особенностей, явившихся следствием промыслового уклада жизни поморов: особенности жилищ, связанные с сезонным характером промысла, сакральное отношение к морю, преобладание и важная роль морской рыбы в пище, промысловая одежда, широкое распространение грамотности благодаря активной торговле и старообрядчеству (Бернштам 1983). Смыслообразующим ядром их жизни всегда было море. Оно служило основным источником их существования и "пропитало морским воздухом" всю их культуру. Помимо рыбной ловли поморы занимались охотой, зверобойным промыслом тюленя, оленеводством, торговлей, добычей соли. На своих судах они плавали к берегам Швеции, Норвегии, Новой земли, ходили по Белому, Баренцову, Карскому морям.

У поморов сложилась собственная система ведения промысла. Ее важнейшим элементом являлась *тона* – участок берега и моря, обустроенный для ловли рыбы. Тона включала в себя жилые постройки (избы для промышленников, колодец, поварня), хозяйственные постройки (ледники под рыбу, столы для ее разделки и пр.), культовые постройки (часовню или поморский крест). Она являла собой средство освоения побережья Белого моря. У поморов существовал особый промысловый календарь, в котором были обозначены периоды, в которые рыба идет более активно (*Бернштам* 1983).

Многовековая тесная связь с морем породила особенное отношение к нему. У них бытовали специальные заговоры и ритуалы, связанные с морем: уходящему в море давали специальную еду – "ужну" и "тешник", – имевшую ритуальное значение; у промысловых изб часто ставились обетные кресты или кресты "на добычу", во время шторма моряки лили в море масло, совершая первый заход за рыбой – кидали в море серебряные деньги и др. К морю была обращена эпическая поэзия поморов. Несмотря на то что язык первоначального населения Поморья оказался утрачен и вместо него стал использоваться русский, на базе последнего сложился диалект "поморская говора".

Отсутствие на этой территории помещичьего крепостного права, суровые климатические условия, в которых велось освоение новых земель, коллективный характер промысла привели к формированию особого поморского характера: «Беспокойный, бунтарский дух русских переселенцев заложил основу определенного психологического склада, который в результате естественного отбора привел к закреплению определенных свойств и черт личности: чувства собственного достоинства, свободы действий, независимости, живого ума, сдержанности и понятия своей "особости"» (Там же: 79).

Несмотря на то что большой пласт поморской культуры подвергся деформации в советское время из-за многочисленных проектов модернизации, часть бытовой культуры, имеющая отношение к строительству домов, орудиям лова и др., сохранилась до наших дней (*Коротаев* 1998).

Советское и постсоветское Поморье

В советское время существовавшие в Поморье рыболовецкие артели были преобразованы в промысловые рыболовецкие колхозы. Особенности хозяйственной деятельности поморов, связанные с коллективным характером рыболовного промысла, в некоторой степени облегчили переход к колхозу. Советские рыболовецкие колхозы прежде всего ориентированы на ловлю рыбы, но помимо этого они также имели небольшие сельскохозяйственные угодья, держали скот, занимались лесозаготовкой. В 1950-е годы было проведено укрупнение рыболовецких колхозов. К этому же времени относится начало модернизации поморских рыболовецких хозяйств. Были закуплены моторные боты, а затем большие траулеры. Капитана, как правило, колхоз нанимал на стороне, а членами команды становились сами колхозники. В 1960-е годы начинается создание рыболовецко-промысловых комплексов, которые объединили весь производственный процесс от вылова рыбы до полной ее переработки. По мнению В.И. Коротаева, проведенная советской властью модернизация поморских рыболовецких хозяйств, а в особенности создание рыболовецко-промысловых комплексов, исказила традиционный поморский промысел, издавна воспринимавшийся как диалог с природой. Советские планы и пятилетки привели к тому, что рыба стала восприниматься поморскими колхозниками как рыбный ресурс, а море – как рыбо-хозяйственный водоем, утративший сакральное значение (*Коротаев* 1998).

Вместе с тем нельзя говорить, что проведенная советской властью модернизация целиком вытеснила традиционный лов. Хотя рыболовецкие колхозы и стали использовать современные траулеры для отлова рыбы, жители поморских деревень сохранили традиционный лов рыбы для собственных нужд. Им всегда занимались все жители

деревни, независимо от возрастной, половой и партийной принадлежности. Они продолжали употреблять старые, многовековые орудия лова (различные виды сетей, рюжи, гарпуны, скобцы для выделки шкур). Несмотря на то что затем при их изготовлении использовались современные материалы (капрон, нержавеющая сталь, пластик), сами конструкции оставались прежними. Поморские тони, существующие с XVI в., также активно использовались поморскими колхозниками. Жители поморских деревень сохранили и какие-то обрядовые элементы, имеющие отношение к морю (например, бытование древнего промыслового календаря).

1970–1980-е годы – период наибольшего благополучия рыболовецких хозяйств. Эти колхозы были очень рентабельны в экономическом плане, их называли колхозы-миллионеры. В 1990-е годы хорошая экономическая база, основанная на эксплуатации природных ресурсов, облегчила для промысловых хозяйств переход к рыночным отношениям по сравнению с колхозами. Они смогли выработать новые, эффективные для рыночной среды, стратегии: объединение колхозов в товарищества, работа с западными партнерами, развитие дополнительных производств¹:

"Мы начали обновлять структуру флота, приобретать суда уже не только по лову донных пород рыб, но и океанических видов рыб. То есть не только трески и пикши, но и начали ловить сельдь, скумбрию, путасу, окуня. И под это стали приобретать суда – новые виды судов. Суда приобретали, конечно, не новые, потому что новые стоят дорого. Под это брали кредит у государства, процент был высокий, да и сейчас он не низкий. Но мы уже структурно развивались, начали работать вместе с норвегами, то есть они стали нашими партнерами. Продавать рыбу за рубеж всегда было выгоднее, чем в России. И таким образом, сохраняем население все вот эти 14 лет реформ" (ПМ: Федоров).

Рыболовецкие колхозы смогли приспособиться к изменившейся экономической ситуации.

Несмотря на проведенную модернизацию, многочисленные политические и экономические трансформации, жители поморских деревень сохранили значительные элементы бытовой поморской культуры. Жизнь поморской деревни по-прежнему определяется рыбным промыслом. В связи с этим исследователи А. и И. Кулясовы говорят о том, что поморская деревня соответствует своей исторической колее развития. Это соответствие во многом поддерживается таким ключевым институтом поморской деревни, как рыболовецкий колхоз (*Kulyasova, Kulyasov 2009*). Вся социальная структура поморской деревни в настоящее время по-прежнему держится на колхозе. "*Вот без колхоза я не знаю, всё здесь повязано на колхозе*" (ПМ: Дьячков). Колхоз определяет коллективный характер труда жителей, берет на себя выполнение ряда социальных функций, социально интегрирует сообщество, организует его, обеспечивает экономическое выживание поселков, т.е. поддерживает социально-экономическую стабильность данного сообщества. В противовес "разрушительным институтам" В. Банс, поморский колхоз можно рассматривать как "цементирующий" благодаря длительной коллективной традиции и экономическому потенциалу эксплуатации природных ресурсов. Его значимость также усиливается географической изолированностью поморских деревень и слабыми коммуникациями с "большой землей":

"Думаю, что преимущество рыболовецких колхозов перед обычными вот в этой живучести, в нашей выживаемости. Все-таки нам позволяют не только выращивать скот, давать молоко, зерно и овощи, как это делают другие, но и лесозаготовки и, конечно же, прибрежный лов и свой флот. Вот эти квоты, которые мы все же с большим трудом получили; они позволяют даже как-то менять структуру работы хозяйства. Вот, безусловно, обновлять основные фонды, значит, менять технологии, оборудование, технику" (ПМ: Федоров).

Новые правила рыболовства, введенные в 2007 г., фактически подрывают экономическую базу существования поморских деревень. Они привели к значительному сокращению квот на отлов рыбы для рыболовецких колхозов и в то же время увеличи-

нию платы за них. В соответствии с новыми правилами рыболовецкие колхозы оказались поставленными в один ряд с крупными промышленными компаниями, с которыми должны соревноваться за рыболовные квоты на аукционах. Такое изменение законодательства создает преимущества в первую очередь для крупных экономических агентов, угрожая существованию поморских колхозов. Без протекции со стороны областной администрации, в чьем ведении теперь находится подготовка реестров с рыболовецкими участками для торгов, поморские колхозы окажутся неконкурентоспособными в новой экономической среде.

Помимо сокращения возможностей промышленного рыболовства запрещенным для поморов оказался и лов рыбы для своих нужд. Теперь традиционным рыболовством имеют право заниматься только представители малых коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, которым бесплатно выделяются квоты на биоресурсы. Поморы, не включенные в официальный список коренных народов, такой возможности не имеют. Они могут заниматься лишь любительским рыболовством, для чего должны покупать специальные лицензии. Это практически нереально для жителей поморских деревень, во-первых, по причине их плохого экономического положения, во-вторых, в силу большой удаленности деревень от областных центров. Кроме того, даже на лов рыбы с лицензией налагаются большие ограничения. Новые правила жестко регламентируют инструментарий любительского рыболовства: ловить рыбу следует «продольниками с общим количеством крючков не более 10 штук (в озерах 20 штук, в море до 100 штук) у одного гражданина, "сеткой-маявочницей" размером не более 1,5 × 1,0 м для отлова живца, сетками ("пауками") диаметром до двух метров и вентерями (мережи) длиной всего устройства не более 3 м, диаметром ловушки не более 1 м, в количестве не более 3 штук у одного гражданина» (Коренные поморы 2007). Таким образом, традиционные многометровые поморские рюжи оказались вне закона и должны изыматься органами Росприроднадзора. Надзорные бригады, совершая рейды, штрафовали жителей поморских деревень и конфисковывали у них орудия лова.

В дополнение ко всему в 2008 г. экологи и ряд региональных СМИ развернули кампанию против традиционного поморского промысла белька (детеныш тюленя). Администрация Архангельской обл. поспешила запретить этот промысел в Белом море для "сохранения популяции гренландского тюленя" (Архангельские поморы 2008). Данный запрет также может тяжело сказаться на поморских поселках, для жителей которых это издавна был традиционный промысел. *"Да, охраняют природу от нас, а мы что, не живые что ли?"* (ПМ: Шемякина).

Рыболовецкий промысел составляет экономический базис существования поморской деревни. Ведение сельскохозяйственной деятельности никогда не являлось для них важным источником существования. "Море – наше поле", – так гласит старая поморская поговорка. Подобно сельским жителям, работающим в традиционных колхозах и при этом выращивающим что-то для себя на приусадебных участках, поморы помимо работы в рыболовецком колхозе всегда занимались рыбной ловлей для собственных нужд. Традиционный лов рыбы для себя составляет значительную долю бюджета их домохозяйства. Запрет на рыбную ловлю для поморов может быть сравним со сталинским запретом для крестьян на работу на приусадебном участке.

Еще более усугубил ситуацию принятый в 2007 г. новый Земельный кодекс. Согласно ему, фирме-арендатору позволено изолировать от местного населения большие участки леса. Это препятствует ведению поморами таких традиционных промыслов, как охота и собирательство. Сбор ягод, грибов, заготовка леса становится невозможной для жителей местных деревень на арендованных компанией участках леса. Учитывая, что в аренду берутся огромные природные территории, это приводит к исключению местных жителей из привычной для них среды обитания. По словам жите-

лей поморских деревень, *"мы же поморы, а сидим без рыбы! У моря живем, а рыбы на столе у нас нет. Охотиться тоже не на кого, раз леса не стало"* (ПМ: Шемякина).

Лишение поморских колхозов квот на отлов рыбы, запрет на рыбный промысел для собственных нужд, ограничение их лесопользования угрожает физическому существованию поморских поселков и, как следствие, может привести их к вымиранию. Поскольку издревле на протяжении всей своей истории (в том числе и в советский период) поморы имели беспрепятственный доступ к природным ресурсам, современные жесткие ограничения воспринимаются ими как репрессивные меры со стороны государства по отношению к их сообществу и способствуют росту их внутригрупповой солидарности.

Поморское возрождение

Первая волна поморского ренессанса относится к концу 1980-х – началу 1990-х годов. Она связана с поиском новой идентичности, характерной для постсоветской России. Крушение масштабной советской общности привело к фрагментации прежней идентичности и вызвало необходимость в поиске новой аффилиции. Эти искания зачастую были обращены к локальным корням и традициям, имеющим досоветское происхождение. Формирование новой поморской идентичности происходит в крупных городах Архангельской обл. (например, в самом Архангельске). Оно направлено на конструирование поморской общности на основе возрождения старых культурных традиций и обычаев (Архангельская областная 2004). Вслед за Э. Хобсбаумом мы можем говорить, что происходит переизобретение традиций, поскольку возрождаемые обычаи воспроизводятся в новых условиях для новых целей (Хобсбаум 1998). Если оригинальные обычаи, как правило, ставят своей целью объяснение этого мира для членов сообщества (мир для сообщества), то их римейк стремится к институционализации сообщества в этом мире (сообщество для мира).

Такая реконструкция традиционной культуры, как правило, производится "сверху", силами некоммерческих организаций. Основными агентами формирования новой общности выступают общественные организации, ученые, региональная администрация. Так, академические исследования ученых Поморского государственного университета в Архангельске обеспечили научное обоснование культурного конструирования поморской общности, а некоммерческие организации стали ядрообразующими составляющими этого движения.

Поморские обычаи и традиции проблематизируются на этом уровне в первую очередь как имеющие важное культурное значение. И поморские деревни в этом смысле важны не с экономической точки зрения, как обеспечивающие местное население рыбой. Значимым в этом дискурсе оказывается то, что помимо рыбы данное сообщество производит традиционность, т.е. традиционный образ жизни, традиционный лов рыбы старым инструментарием, традиционное отношение к природе. Поскольку переизобретение традиций и формирование новой групповой идентичности все же, как правило, нуждается в некоторых материальных доказательствах своего существования, традиционные деревни в этом случае оказываются дополнительным аргументом в их пользу. Представители архангельских некоммерческих организаций с сожалением говорят об уходящей традиционной культуре поморов, "память о которой остается лишь в названиях населенных пунктов и водных объектах, поморском говоре и своеобразных обрядах" (Я – помор 2007). "Реальные хранители поморского языка остались только в деревнях, так как учить его сложно. Активного интереса к курсам преподавания, скорее всего, не будет" (Национально-культурная автономия 2007). В этом случае культурная эффективность таких поселений становится важнее экономической. Ценность традиционного образа жизни в современном стремительно развивающемся глобальном обществе признается не только некоммерческими организациями, но и

самим государством, а также международным сообществом. Это может способствовать стремлению отчасти законсервировать эту традиционность как особую ценность, чтобы впоследствии, при необходимости обоснования своего особого статуса, "предъявить" государству или международному сообществу. Причем такая "живая старина" обладает, как правило, большей силой воздействия, чем археологические или летописные источники.

В то же время включение самих представителей "живой старины" (жителей поморских деревень, которые занимаются традиционным для них рыбным промыслом) в поморское движение было вызвано экономическими интересами их сообщества, а не потребностью в сохранении и развитии их исторических традиций. В соответствии с теориями экономического национализма рост национализма происходит, когда социально-экономические силы вторгаются в индивидуальную жизнь людей, которые начинают видеть в идентичности что-то для улучшения своих жизненных позиций (Коротеева 2000). Таким мощным экономическим фактором в данном случае стало изменение политики государства в отношении использования природных ресурсов. Ограничение рыбного промысла и лесопользования для поморов привело к развитию поморского движения "снизу", непосредственно в поморских деревнях. Поскольку поморы связывают свою идентичность в основном с местом проживания и хозяйственной деятельностью, то изменения в государственном законодательстве, затрагивающие их хозяйственные интересы, вызывают всплеск поморской идентичности.

"Это же смешно, по закону на человека можно одним крючком поймать только четыре килограмма в год. Что для горожанина такая квота, что для помора. А если хочешь больше поймать, надо лицензию оформлять, бегать по инстанциям, платить за нее. Так вот эти четыре килограмма можно за один раз поймать и за неделю съесть или на двенадцать месяцев растянуть. Это что же, нам всего один раз в год теперь разрешают рыбу ловить и только по великим праздникам ею питаться!? Такое количество у нас кошка за неделю съедает" (ПМ: *Шемякина*).

Политика государства, направленная на поддержание интересов крупного бизнеса, создает "режим наименьшего благоприятствования" для небольших организаций. Поморы для создания более выгодных условий своего существования пытаются апеллировать к собственной этнической идентичности. Признание поморов малым коренным народом позволило бы поморским рыболовецким колхозам сохранить прежние квоты на рыбу, а также иметь преимущества на пользование другими природными ресурсами (например, лесами). Такое обращение к поморской идентичности, вызванное изменением государственной политики и как следствие, ухудшением экономического положения поморских деревень, носит прежде всего инструменталистский характер.

Таким образом, мы наблюдаем два уровня обращения к поморской идентичности. Первый (верхний) уровень представляет поморский народ как воображаемое сообщество, социальный конструкт, его члены не знают друг друга лично, но рассматривают себя как некую общность с общими культурными традициями, интересами и судьбой. Реконструируемые традиции имеют мало общего с жизнью нынешних городских жителей. Их первоначальное значение было утрачено и не поддается реконструкции. Их современное назначение – институционализация воображаемой общности. Как отмечает В.А. Тишков, "хотя концепция этно-социальной общности представляет воображаемую конструкцию, это не мешает ей становиться жесткой реальностью и основой для коллективного действия. Особенно в современной России, где люди через этничность обретают утраченные чувства личной и коллективной самооценности, а лидеры добиваются контроля и политической мобилизации масс через обращение к этническим чувствам" (Тишков 1998: 17). Обращение к поморской идентичности стало не только способом формирования новой идеологической общности благодаря обращению к историческому прошлому, но и средством защиты экономических интересов. Если на верхнем уровне (общественные организации) апелляция к поморской иден-

тичности в большей степени подразумевает возрождение или сохранение некоторой культурной традиционности, то нижний уровень (поморские деревни) связывают свою идентичность с такими прикладными характеристиками, как рыбная ловля, и другими, составляющими экономическую основу их выживания.

В изучаемом случае совпадение эмоционально-культурной сферы со сферой экономических интересов создало предпосылки для достаточно мощного поморского движения, которое может объединить верхний и нижний уровни. Лифтом, объединяющим культурно-идеологический и экономический уровни, может послужить движение за признание за поморами официального статуса малочисленного коренного народа. С одной стороны, это еще больше институционализирует воображаемое сообщество, с другой, открывает доступ к экономическим ресурсам.

Поморская идентичность: как она формировалась и с чем связана сегодня

Еще Т.А. Бернштам отмечала, что "поморское самосознание – явление сложное и внутренне противоречивое. Носителями его, также как и самоназвания помор, выступали в разное время жители разных берегов" (*Бернштам* 1983: 215). С этим сложно не согласиться. Кто в большей степени является носителем поморского сознания в наши дни: городские жители, читающие историческую литературу о Поморье и посещающие фольклорные поморские фестивали, или жители поморских деревень, ловящие рыбу на рюжи и сети, но мало что помнящие о древней истории Поморья?

Исторически жизнь поморов была тесно связана с морем. Доминирующий тип хозяйственной деятельности – рыболовство – сформировал специфический тип поморской культуры. Непосредственные контакты между традиционным образом жизни, основанном на добыче рыбы, и поморской идентичностью определили характер этой идентичности. Стержень последней – особенности хозяйственной деятельности, имеющие прямое отношение к традиционному промыслу рыбы: "*Как говорится, мы привыкли, что поморы раньше, ветераны, они на тех же ботах ходили в этом же Белом море, за той же рыбой. А мы сейчас, вот рыбаки, они ставят те же снасти морские, проверяют. Но мы у моря, это за рыбой, считается как у моря, да это поморы*" (ПМ: *Егоров*).

Кроме того, важно учитывать, что поморы имеют двойную этническую идентичность. С одной стороны, они – русские, с другой – все-таки поморы. Сами жители поморских деревень не всегда четко могут разграничить эти две этнические аффилиации. "– Сохранились ли поморские традиции? – *Не знаю, какие традиции. Рыбу ловить не дают.* – А народ как здесь, поморами себя считает? – *Наверное, я не знаю как. Так, наверное*" (ПМ: *Дьячков*). В рамках российского государства поморы – это лишь субэтнос русского народа. Таким образом, получается своеобразная этническая матрешка. Большая матрешка – это, безусловно, принадлежность к русскому народу. Однако внутри нее есть еще маленькая матрешка – это будет уже поморская идентичность. Такая "вложенность" малой этнической идентичности в большую ослабляет первую.

Таким образом, тесная связь между сохранением традиционного природопользования и этнической идентичностью, а также слабость малой этнической идентичности отчасти определили ее инструменталистский характер:

"Если мы русский народ, так мы русские. Если мы считаем себя поморами, так этим что кичиться. У нас чисто поморская душа. А называть себя малым народом, не знаю, я не совсем понимаю эту тему. Я понимаю, что на ненца дают столько-то килограмм камбалы. А на онежанина ни одного килограмма камбалы. На эту рыбу нет лимита на русских местных, так вот оказывается. Это у них наука или что. Это глупость полная. Вообще человек, у нас может поймать россиянин, в том числе помор, 4 килограмма рыбы в год. Вот и все. А ненцу дают аж 22 килограмма. Это вот государева норма. Это глупость полнейшая" (ПМ: *Федоров*).

В то же время над этим "хозяйственным" базисом существует культурно-идеологическая надстройка, которая акцентирует внимание на общих культурных традициях Поморья, апеллирует к особому поморскому психологическому складу. Это находит свое отражение в реконструкции прежних обрядов, историческом изучении прошлого края: "мы можем гордиться нашей историей, великим культурным наследием, созданным нашими предками поморами, их упорным трудом, требовавшим обширных знаний и навыков, поморской упрямки, отваги и мужества" (Булатов 1999). Важно отметить, что данный процесс начался значительно раньше происшедших изменений в природоохранном законодательстве РФ и был вызван потребностями в новой идентификации на постсоветском пространстве. Его основой послужили исторические особенности формирования данного региона.

Несмотря на разные побудительные мотивы этих движений, представители и верхнего, и нижнего уровней отмечают свою "особость", существование собственного исторического пути и особого поморского характера. Эта признаваемая всеми респондентами поморская исключительность позволяет зафиксировать наличие поморского самосознания: "А у поморов характер сильный, поэтому как бы их ни ломало, они как ванька-встанька встают на работу" (ПМ: Шадрина). Подтверждением тому служит то, что в ходе общероссийской переписи в 2002 г. поморами себя официально признал 6571 человек (Я – помор 2007).

Вместе с тем важно отметить, что поморская идентичность обладает высокой степенью эластичности, т.е. способностью растягиваться или сжиматься в зависимости от существующего контекста. Эта эластичность обусловлена несколькими факторами: 1) двойственной этнической принадлежностью поморов, 2) связью поморской идентичности с хозяйственной деятельностью, 3) ослабленными культурными традициями, часть из которых была утрачена в советское время.

Осуществляемая государством дискриминация по этническому признаку стала основой солидарности поморов.

Современные стратегии легитимации поморской идентичности

Стратегии легитимации поморской идентичности направлены на утверждение ее исторических и культурных особенностей, а также признание на этой базе политических прав указанной группы. Основными агентами поморского движения выступают национально-культурные автономии. Первая стратегия легитимации своей особой этнической принадлежности направлена на государство и на то, чтобы вписаться в государственные этнические институты, вторая – на апелляцию к международным нормам.

Были созданы официальные организации, которые могли бы представлять и продвигать интересы поморов. В 1987 г. был создан национально-культурный центр "Поморское возрождение". "Сохранение и возрождение традиций Поморья" провозглашалось его основной задачей (Я – помор 2007). Затем появилась национально-культурная автономия поморов Архангельской обл. Спектр ее деятельности достаточно широкий. Он направлен на возрождение и сохранение традиционной поморской культуры, а также на признание политического статуса поморского народа. В составе автономии работают фольклорные коллективы, студии прикладных ремесел; усилиями ее активистов была создана первая экспозиция в Архангельском музее о культуре поморов, осуществляются регулярные публикации, посвященные истории поморского края, организуются культурно-образовательные программы (цикл лекций, образовательные проекты для молодежи). Реконструируются традиционные поморские праздники, в ходе которых проводится демонстрация традиционных народных нарядов, продажа поморских ремесленных изделий и пр. (Там же).

Помимо реконструкции и популяризации поморской культуры указанные организации ставят своей целью признание за поморами особого этнического и политического статуса, а именно официального статуса малого коренного народа. Благодаря их усилиям Госкомстат России включил поморов в единый перечень национальностей в период Всероссийской переписи 2002 г. Однако на том этапе еще существовал большой разрыв между верхним и нижним уровнями поморского движения. Многие жители поморских деревень не знали, что имеют возможность идентифицировать себя не с русским населением, а конкретно с поморами:

"Этот вопрос надуман, я лично, когда здесь была перепись населения, затаила очень глубокую обиду и на нашу администрацию. Они даже не сказали, что мы можем зарегистрировать, самоопределиться как поморы. И мы в этой всероссийской переписи населения просто обозначились как русские. И не одна такая деревня, а сплошь. А если бы мы знали, что могли, то сплошь бы мы все зарегистрировались как поморы. Я вот знаю, что я коренная поморка. И, может быть, к нам как к этносу бы изменилось какое-то отношение. А архангельские поморские организации, по-моему, существуют сами по себе, они по поморским деревням бывать не бывали, и нами не интересовались" (ПМ: *Шадрина*).

В 2004 г. на основе национально-культурной автономии была зарегистрирована Архангельская областная община коренного малочисленного народа поморов. Для вступления в нее достаточно написать заявление, в котором следовало продекларировать свою поморскую идентичность. Создание общины поморов также имело целью институционализировать в государственном пространстве присутствие поморов. Это был еще один шаг на пути к легитимации поморов.

Национально-культурная автономия совместно с Архангельской общиной организует съезды поморов России, исполнительным органом которых является Совет поморов России: в него входят поморские старейшины, председатели рыболовецких и зверобойных артелей, лидеры общественных организаций. Представителями общины совместно с администрацией Архангельской обл. были подготовлены и направлены документы в правительство РФ с просьбой включить поморов в перечень коренных малочисленных народов. Однако, запрос был отклонен. Основанием для отказа послужило научное заключение специалистов из Кунсткамеры и Института этнологии и антропологии РАН.

В целом деятельность данных организаций направлена на конструирование Поморья как единой общности, объединенной единой культурой и традициями. Если перевести это на язык экономической социологии, данный процесс подразумевает производство культурно-национального бренда "поморы", главной ценностью которого являются традиционность и уникальность местной культуры. Этот бренд не только имеет культурное значение, но может приносить и экономические и политические дивиденды.

Вместе с тем изменение российского природоохранного законодательства, подрывающее экономическую базу существования поморских деревень, привело к активизации их жителей. Таким образом, поморское возрождение, инициированное "сверху" общественными организациями, получило поддержку непосредственно у жителей поморских деревень. На базе трех рыболовецких деревень была образована Беломорская территориально-соседская община малочисленного коренного народа поморов, председателем которой стал руководитель рыболовецкого колхоза "Беломор" С. Самойлов. Деятельность этой общины направлена на отстаивание экономических интересов поморских поселений.

Ненцы, живущие по соседству с поморами, перенявшие в XIX веке у поморов опыт рыбной ловли, имеют право заниматься традиционным рыболовством, получают на это бесплатные квоты. А что имеют право ловить без лицензии поморы? Согласно ст V.6. п. 85 правил: "при осуществлении любительского и спортивного рыболовства не запрещается и не ограничивается только... сбор водорослей, морских трав и водных беспозвоночных (ракушек) из штормовых выбросов!" (Интервью с лидером).

Представители общины включились в поморское движение с целью добиться от государства признания за поморами статуса малого коренного народа, имеющего право на использование природных ресурсов на льготных основаниях.

Вторая стратегия по утверждению особого статуса поморов связана с апелляцией к международным нормам. Так, в 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла декларацию, защищающую права коренных народов во всем мире. Она провозгласила право коренных народов на самоопределение, землю и природные ресурсы: "коренные народы при осуществлении их права на самоопределение имеют право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, а также путей и средствам финансирования их автономных функций" (Декларация ООН 2007). Россия при принятии этой декларации от голосования воздержалась. Как известно, декларации, принятые Генеральной Ассамблеей ООН, не имеют твердой законодательной силы и носят в большей степени рекомендательный характер. Тем не менее активисты национально-культурной автономии видят в этом рычаг воздействия на государственную "этническую инженерию". В настоящее время они проводят информационную кампанию среди жителей поморских деревень относительно возможности использования ими международного права. Жителям поморских деревень выдаются жетоны с указанием их принадлежности к коренному малочисленному народу. При изъятии у них представителями Рыбнадзора их рыболовных принадлежностей и наложении штрафных санкций им предлагается обращаться в международный суд по правам человека. Мера достаточно сомнительная, особенно если учесть, что она требует много сил и времени для ее осуществления. Однако активисты национально-культурной автономии считают, что если такой прецедент будет создан (обращение в международный суд по правам человека), это поможет выработать механизм воздействия на российское правительство в целях признания за поморами прав коренных народов.

Еще одна возможность отстаивания своих интересов для поморов – использование стандартов международных сертификационных систем, которые также провозглашают защиту прав местного населения, в том числе коренных народов и этнокультурных общин, от воздействия деятельности бизнеса. В частности, изучаемые нами поморские деревни поучествовали на себе ограничение не только их рыболовного промысла, но и лесозаготовок. Они попали в район деятельности крупного регионального лесопромышленного предприятия ПЛЮ "Онегалес". Жители были встревожены рубками, которые стали подходить близко к границам сельских лесов, охотничьим угодьям и нерестовым рекам. Данное предприятие имеет FSC-сертификат, относящийся к международной системе лесной сертификации. В соответствии с одним из принципов лесной сертификации, компания должна учитывать интересы коренных народов и этнокультурных общин, проживающих в районах ведения лесохозяйственной деятельности предприятия (Принципы и критерии). Однако первоначально население поморских деревень не было информировано сотрудниками предприятия о своем возможном участии в решении вопросов лесопользования и предоставляемых сертификацией дополнительных правах коренному населению. Возникший конфликт между жителями поморских деревень и предприятием был разрешен благодаря вмешательству организации "Поморское возрождение". Соединив свои усилия с местной Беломорской общиной поморов, активисты смогли добиться соблюдения компанией прав жителей рыболовецких деревень как коренного народа, который в соответствии с сертификационными стандартами получил определенные права на сохранение мест традиционного природопользования (сбор грибов, ягод, охоты, рыбалки, мест культурной и религиозной значимости) (Кулясова, Кулясов 2008).

Заключение

Проведенное исследование выявило два уровня поморского возрождения. Первый уровень – ответ на общее изменение общественно-политического контекста. Он ставит своей целью создание новой идентичности и апеллирует к историческому прошлому и особенностям формирования данного региона. Его основными агентами выступили общественные организации. Это движение имеет политико-культурную направленность, поскольку нацелено на возрождение поморской культуры и обычаев, а также на признание за поморами статуса отдельного народа. Впоследствии изменение государственного законодательства, лишившее поморские деревни экономической основы для выживания, расширило поморское движение, включив в него нижний уровень – непосредственно самих жителей поморских деревень. Легитимация этничности для них явилась формой защиты от государственного пресса, обеспечивающей доступ к природным ресурсам посредством принадлежности к определенной группе.

В данном случае этнизация экономических интересов усилила осязаемость поморской конструкции. Выстраиваемый "сверху" историко-культурный каркас не повис в воздухе. Под него был подведен "рациональный" фундамент, содержащий в себе экономические интересы сообщества. Несмотря на то что в хронологическом смысле "этап отстаивания экономических интересов" следовал за культурным возрождением поморских традиций, возможно, его появление для поморского ренессанса оказалось ключевым. Характерная для поморов высокая эластичность этнической идентификации, обусловленная в первую очередь их двойственной этнической аффилиацией, не способствовала включению жителей поморских деревень – непосредственных носителей поморской бытовой культуры в наши дни – в движение за возрождение поморской культуры. В то же время поставленные новым российским природоохранным законодательством на грань вымирания, они начали активно поддерживать легитимацию поморской этничности. Движение за придание статуса коренного малочисленного народа поморам стало общим знаменем, объединившим оба уровня.

Поскольку такое движение организовалось сравнительно недавно, еще сложно говорить о результативности выбранных стратегий. Обращение к международным нормам представляется менее эффективным в силу необязательности их соблюдения российскими властями и бизнесом. Они не предполагают жестких санкций за невыполнение. Как можно было увидеть на примере работы международной сертификационной системы, только активное вмешательство НКО сделало возможным признание за поморами их прав на традиционное лесопользование и рыболовство со стороны бизнеса. Еще сложнее обстоит дело с апелляцией к декларации ООН о правах коренных народов, так как механизмы ее функционирования еще более туманные.

Поскольку в настоящее время основным конструктором этнических групп выступает все-таки национальное государство, его признание за поморами статуса отдельного народа в наибольшей степени легитимировало бы их существование и создало экономический режим наибольшего благоприятствования для этой группы. Государство в принципе не против признать их существование как отдельного этнокультурного сообщества, если это не имеет экономических последствий. Так, государственные чиновники внесли поморов в официальный список национальностей и зарегистрировали их общины. В то же время в причислении к группе коренных народов поморам было отказано. Несмотря на это, активисты поморского движения продолжают действия в этом направлении.

Важно отметить, что при конструировании новой общности используется такой вполне осязаемый инструментарий, как исторические документы, помогающие реконструировать исторические традиции, обряды, остатки поморского диалекта, сохранившиеся элементы бытовой культуры поморских деревень. Идет апелляция к особому поморскому сознанию, существование которого подтверждается не только

устной историей, но и официально зафиксировано проведенной в 2002 г. переписью населения (в ходе которой больше 6 тыс. человек назвали себя поморами). Таким образом, конструирование поморской идентичности, вызванное изменением политического и экономического контекста, все же идет по исторически обусловленной колее развития местного сообщества и не является исключительно сиюминутным феноменом. Поэтому можно предполагать, что его дальнейшее развитие позволит успешно реконструировать и легитимировать поморский этнос в границах современного российского государства.

Примечание

¹ Автор благодарит Антонину и Ивана Кулясовых, сотрудников Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) за предоставленные для работы интервью.

Источники и литература

- Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001.
- Архангельская областная... 2004 – Архангельская областная территориально-соседская община коренного малочисленного народа поморов Поморская сторона. Культура и краткая история поморов – коренного народа севера России. Архангельск: ПГУ, 2004.
- Архангельские поморы – Архангельские поморы обеспокоены конкурсами на право пользования рыболовными участками // Информационный сайт Архангельской области: <http://www.regnum.ru>
- Бернштам* 1983 – *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в 19 – начале 20 вв. Л.: Наука, 1983.
- Булатов* 1999 – *Булатов В.* Русский Север. Т. 1. Архангельск: ПГУ, 1997.
- Булатов* 1999 – *Булатов В.* Русский Север. Т. 3. Архангельск: ПГУ, 1999.
- Декларация ООН – Декларация ООН о правах коренных народов // Информационно-образовательная сеть коренных народов: <http://www.indigenous.ru>.
- Интервью с лидером – Интервью с лидером общины поморов, председателем рыбколхоза "Беломор" Сергеем Самойловым // Информационный сайт: <http://www.regnum.ru>.
- Калхун* 2006 – *Калхун К.* Национализм. М.: Территория будущего, 2006.
- Коренные поморы – Коренные поморы должны будут покупать лицензии на вылов рыбы (Архангельская область) // Информационный сайт: <http://www.regnum.ru>.
- Коротяев* 1998 – *Коротяев В.И.* Русский Север в конце XIX – первой трети XX века: проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: ПГУ, 1998. С. 51.
- Коротяева* 2000 – *Коротяева В.В.* Экономические интересы и национализм. М.: РГГУ, 2000.
- Котляков* 1997 – *Котляков В.М.* Наука. Общество. Окружающая среда. М.: Наука, 1997.
- Кулясова, Кулясов* 2008 – *Кулясова А., Кулясов И.* Роль НПО в стимулировании корпоративной социально-экологической ответственности на примере лесного холдинга ПЛЮ "Онегалес" // Роль гражданского общества в стимулировании корпоративной социальной ответственности лесного бизнеса / Под ред. М. Тысячнюк. М.: МОНФ, 2008.
- Национально-культурная автономия – Национально-культурная автономия поморов: в архангельских школах стоит ввести изучение "поморской говори" // Информационный сайт Архангельской области: <http://www.regnum.ru>.
- О гарантиях прав... – "О гарантиях прав коренных малочисленных народов" // Официальный сайт правительства РФ по делам Севера и малочисленных народов: <http://www.severcom.ru>.
- ПМ – Полевые материалы, собранные сотрудниками Центра независимых социологических исследований (Петербург) А. Кулясовой и И. Кулясовым в ходе экспедиции на Онежский п-ов в июле 2007 г. (информанты: Федоров, 1946 г.р., Дьячков, 1929 г.р., Егорова 1965 г.р., Шемякина 1975 г.р., Шадрина 1915 г.р.).
- Принципы и критерии – Принципы и критерии FSC сертификации // Официальный сайт Лесного попечительского совета: www.fsc.ru.
- Смит* 2004 – *Смит Э.* Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004.
- Соколовский* 2001 – *Соколовский С.В.* Образы Других в российской науке, политике и праве. М.: Путь, 2001.
- Тишков* 1998 – *Тишков В.А.* Забыть о нации // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–27.